

Я РОДОМ ИЗ АЛМА-АТЫ

Интервью с Александром Головинским

14 сентября Алматы будет отмечать свой День рождения – День города. Наша редакция решила встретиться с одним из «хранителей памяти», как мы называем коренных алматинцев, и взять у него интервью. Выбор пал на Александра Головинского, кинорежиссера, продюсера, заслуженного деятеля искусств РК, кавалера ордена «Курмет», члена Союза кинематографистов Казахстана, автора и режиссера более сорока документальных фильмов и около ста рекламных клипов, дважды лауреата премии «Алтын Жұлдыз», члена Академии киноискусств и наук Казахстана.



– Александр Федорович, в Ваших интервью всегда есть место юмору. Мне нравится, как Вы рассказываете о своем рождении. Говорите, что алматинцем Вас сделали родители.

– Но ведь так и есть. Алмаатинцем меня, действительно, сделали родители. Они оказались здесь в силу разных обстоятельств. Мама, Головинская Варвара Ивановна, закончив Московский химико-технологический институт, попала сюда в годы войны по распределению. А отец в Казахстане оказался длинной дорогой. Сначала из Харбина в 1932 году он попал в Куйбышев. Тогда ликвидировали Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), были большие проблемы у Китая с Японией и Маньчжурией, а Харбин был чисто русский город, который как раз обслуживал эту железную дорогу. Туда отец попал в очень раннем возрасте, в возрасте двух лет. Вообще, по мифам и легендам, наша семья из старинного польского рода, который сначала оказался в Польше, потом в Сибири, потом на КВЖД. Отец попал в Куйбышев, потому что ему не разрешили вернуться. Было два варианта: либо ехать в Австралию, но на это решились немногие, либо возвращаться в Советский Союз (обещали гражданство и «горы золотые»).

Они приехали, карьера отца стремительно развивалась в Куйбышеве. Уже к 1937-му, в достаточно молодом возрасте, он занимал генеральскую должность на железной дороге. В этом же году он оказался в Караганде, потому что всех, кто приехал с КВЖД, называли «японскими шпионами», а это почти сто пятьдесят тысяч человек. Наверняка все знают, что в тридцатые и сороковые годы несколько миллионов сидело по лагерям.

– Да, время было непростое.

– Не то слово. Вот среди этих миллионов оказался и мой отец. Караганда, лагеря и потом поселение в Алма-Ату. Здесь до пятидесятых годов карьера его очень медленно двигалась, зато потом стала бурно развиваться – отец попал в министерство. Но работал он там не очень долго, потому что заболел и в 1960-м умер. Так что Алма-Ата для меня город, куда на поселение отправили отца.

– Вы выросли в районе Биокомбината. Сегодня об этом предприятиии знают разве что старожилы.

– Да. Я родился в районе Биокомбината. Это было гигантское потрясающее предприятие, мама там работала. Они производили совершенно уникальный медицинский препарат для сердечной деятельности. Даже космонавты этим препа-

ратом пользовались. Предприятие находилось как раз там, где построили новую развязку рядом с Тешиным языком (пр. Абая – ул. Байзакова). Не было тогда ни цирка, ни Театра Ауэзова. Была лишь речушка, и туда часто приезжал цирк папито. Мы с ребятами бегали в этот цирк и пешком ходили в Ботанический сад. И вот для меня, мальчишки, Алма-Ата – это район Биокомбината.

На Биокомбинате был клуб, детский сад и школа № 46. Я родился в 46-м и учился в первом классе 46-й школы. А клуб я запомнил по фильму «Тарзан». У нас с мальчишками была хитрая схема прохождения в клуб без билетов. Называлась она «на пробируху». Знакомо?

– **Нет. Никогда не слышала.**

– Суть ее вот в чем: стоит очередь взрослых с билетами, и вдруг кто-то из пацанов (мы выстраивались большой толпой) сзади кого-то толкает, и вся наша куча пролетает мимо контролера. Мы тут же рассыпались по небольшому залу. Честно говоря, нас никто не ловил. А дальше потихоньку мы рассредотачивались, потом собирались и, лежа на животе, чтобы не мешать взрослым, сидящим в первых рядах, смотрели «Тарзан», черно-белый фильм. Наверное, раз двадцать или тридцать мы смотрели эту картину. Тогда фильмов выходило чрезвычайно мало. В Советском Союзе их снимали пять-шесть на всю страну. Но были трофейные кинокартины. В их числе и «Тарзан». Потом мы все делали, как «король джунглей»: «Уааа!»

– **Вы говорите, что учились в первом классе 46-й школы, а потом перешли в другую?**

– Мы переехали, и это было связано с моим отцом. Когда я учился в первом классе, отца реабилитировали. Его назначили начальником планового отдела министерства, и нам тут же дали квартиру, причем в центре города. Мы из Биокомбинатовского барака переехали на Гоголя – Дзержинского (ныне Наурызбай батыра), где стоял один из немногих, построенных в 54-м году, дом. Он и сегодня сохранился. На нем можно увидеть виньетку, напоминающую герб, с надписью «1954».

– **Там, по-моему, находился гастроном.**

– Верно. В то время этот дом стоял в гордом одиночестве. Вокруг ничего не было, ни одного здания. Не было и Министерства автомобильных дорог, мы там были первые.

Определили меня в 15-ю школу на углу Гоголя – Узбекской улицы (потом ее переименовали в Сейфуллина). Кстати, сегодня, наверное, ни одна школа не имеет такого двора, такого приусадебного участка, как 15-я школа. А тогда она имела достаточно маленькую территорию. Единственное, что мне нравится, что хорошего и приятного случилось за эти годы – вокруг моей школы появился огромный двор и спортивный зал. Еще было идиотское казино, которое, к счастью, потом закрыли. Находилось оно прямо через дорогу от школы, его разместили в спортивном зале завода Кирова – в том спортивном зале, где я занимался самбо. Я, кстати, даже достиг каких-то успехов в этом деле. Стал то ли кандидатом, то ли мастером спорта по самбо. Но это случится позже, в университете. А в спортивный зал завода мы ходили заниматься гимнастикой и смотреть разные спортивные соревнования. И вот этот в свое время прекрасный спортивный комплекс завода Кирова умер. И его превратили в казино. Где, в какой цивилизованной стране напротив школы сверкает огнями казино?! Такого вообще быть не должно. У меня в фильме «Мой любимый троллейбус» мы ночью ездим по городу, мои герои поют песню Окуджавы о последнем троллейбусе, и в кадре мы проезжаем по Сейфуллина, мелькает темная школа и сверкает казино. Бред!

– **Расскажите, когда Вы решили, что станете режиссером?**

– О, это случилось далеко не сразу. Пока учился в школе, я даже не думал, что когда-нибудь выберу эту профессию. В школе до седьмого класса у меня были

приличные оценки – четверки, пятёрки. А после – я учился чрезвычайно посредственно, увлекался всевозможными приключениями, вступил в ОДД – была такая Оперативная дружина Дзержинского. Потом нас, человек десять ребят, собрали и стали готовить не то чтобы суперменами, в общем, нас готовили, чтобы мы потом смогли работать в милиции. Мне нравилось тогда на мотоциклах кататься, хулиганов ловить, драться я умел неплохо, поэтому времени на школу оставалось немного.

– **Я даже не слышала, что была такая организация, ОДД.**

– Да, сегодня сложно представить подобное. Нас учили стрелять, рукопашному бою, в общем, было забавно. Потом, когда наступил, наконец, одиннадцатый класс, я не знал, чем буду заниматься. Меня, в общем-то, интересовало всё гуманитарное и в то же время – ничего конкретного. Нет, мне, конечно же, как и другим мальчишкам, хотелось стать летчиком. Но на гражданского летчика мне учиться не разрешили, сказали: «У тебя хорошее здоровье, будешь военным летчиком». А военным мне не хотелось быть. Я совсем не хотел летать на этих истребителях. Страны повидать новые – это да, интересно.

С шестого или седьмого класса я писал стихи и даже умудрился поучаствовать в одной из первых телепередач казахского телевидения. На каком-то утреннике я играл роль ежика. Это было еще в начале моей школьной деятельности, то ли в четвертом, то ли в пятом классе.

– **Вы в школе начали писать стихи?**

– В школе. Но были они у меня не любовные, как у многих ребят. Скорее наоборот, достаточно жесткие, очень демократичного направления, потому что я в школе уже понял, из какой я семьи. И я по-другому смотрел на окружающий мир.

– **Это из-за отца? Из-за сталинских репрессий?**

– Такое не забудешь... Помню, когда он умер, это был 1960-й год, мы с мамой остались в двухкомнатной квартире вдвоем. И на собрании домового комитета выступила одна из дам, наша соседка. Она сказала: «Вот у Головинских появилась лишняя жилплощадь, надо бы к ним кого-то подселить». Моя мама тогда встала и ответила: «Чтобы у тебя так появилась лишняя жилплощадь». Мне было четырнадцать в то время. Я взял рогатку и шарики (рядом был завод, который выпускал шарикоподшипники на Горького), подошел под окна этой дамы и, не прячась, расстрелял ей окна из рогатки. Она вышла на балкон и увидела, как я стреляю, но ни слова не сказала, никуда не позвонила и никому на меня не пожаловалась. Она молча смотрела, как я бил по этим окнам. И вот у меня впервые осталось такое ощущение человеческой подлости. Поэтому, когда через год весь класс вступал в комсомол, я вступать отказался, сказав, что до комсомола еще не дорос. Но не подумайте, я не был таким прямо революционером. Хотя позже мы создали свою группу настоящих ленинцев. Она назывались «Мы – коммуна Север». Там было несколько ребят. В то время разные ходили по городу группировки, а у нас такая была, знаете, патриотическая – мы друг за друга стояли и пытались быть очень благородными.

– **Я читала одно из Ваших интервью, где Вы рассказывали, что в университет поступили из принципа.**

– Да. Было такое. Когда я окончил школу, оказалось, что в силу своего поведения и характера я единственный, по-моему, из нашего выпуска, кто получил четверку по поведению, потому что у всех остальных была пятёрка. А мне одному поставили четверку. И в аттестате было написано так: «При посредственных знаниях». По другим предметам у меня стояли тройки. И мне порекомендовали обучаться на вечернем отделении техникума. Я пришел к директору и сказал: «Вы сохраните всё как есть, ваша точка зрения справедлива, но вот только никуда меня не рекомендуйте». Поэтому назло всем и вся я тут же решил поступить в вуз.

– **Вот это характер!**

– Что есть, то есть. И я, кстати, не думал, что стану журналистом или кино-режиссером. Я писал стихи и потому пошел следом за Олжасом Сулейменовым. Он отучился на геологоразведочном факультете. Я тогда много его стихов читал, знал, помнил, и поступил на единственный инженерный факультет в КазГУ – это географический факультет, отделение гидрологии. А в университет (это было недалеко – вуз находился там, где сейчас Жургеновская академия, на Панфилова – Кирова) я любил ходить пешком. Я чрезвычайно любил эту дорогу. Потрясающий сквер. Ведь на моих глазах строилось это здание, где сегодня находится Казахстанско-британский университет, а тогда Дом правительства и ЦК. Тихие улицы. Я даже вспомнил, когда уже после университета и армии работал в рекламе режиссером, мне нужно было снять автомобильную пробку, мы снимали фильм по заказу ГАИ. Нужно было показать, что случится, если вдруг не будут работать светофоры, знаки и так далее. И мы с ГАИ города в 1972-м полчаса собирали машины в пробку на Коммунистическом (ныне Абылай хана) и Гоголя. Полчаса собирали, потом полчаса снимали, и все машины за две минуты разъехались.

– **Сейчас пробку даже собирать специально не нужно.**

– Город стоит и утром, и вечером. Но тогда, в то время собрать много машин на одном перекрестке было непросто.

– **У Вас есть одна интересная история, связанная с Вашим поступлением. Вы тогда, кажется, сочинение в стихах написали.**

– Написал. Вообще, для сочинения предложили темы очень такие стереотипные, что-то вроде «Горе от ума», Наташа Ростова, Андрей Болконский, образы, и всё это казалось очень невкусным. Я решил написать на тему «Мой любимый фильм» – была такая свободная тема. Взял свой любимый фильм «Веселые ребята» и рассказал о нем в стихах. Сначала я, правда, спросил разрешения. Мне его дали. Так вот, пока я писал сочинение, наверное, раз двадцать подходили преподаватели и за моей спиной вставали посмотреть на паренька, который поступает на гидрогеологический факультет и пишет сочинение в стихах. Кстати, в школе по литературе у меня была тройка. Причем тройка интересная: ни одной тройки не было за ответ и ни одной четверки тоже, зато были двойки и пятерки, потому что я в то время как бы внутри себя жил. Преподавательница знала, что я пишу стихи, и она ко мне по-доброму относилась.

– **И всё же оценки странные: двойки и пятерки.**

– Так получалось. К примеру, она меня спрашивала: «Головинский, что вы сейчас расскажете по теме?» Я отвечал: «Не готов». Она ставила мне точку и предупреждала, что в следующий раз я должен буду обязательно ответить. Но я снова не отвечал. Тогда она ставила вторую точку, потом третью, и в итоге выставляла три двойки. Потом кто-то из однокашников отвечал, а я спрашивал: «Можно дополнить?» Поднимался и минут пятнадцать говорил. Я ведь очень много читал, и эти пятнадцать минут дополнял, изоощрялся, в общем, крест ставил на предыдущем выступлении. Учительница в слёзы – и к директору: «Головинский меня специально доводит. Он ответил на “отлично”, но перед этим трижды получил двойку». Так что по литературе у меня были двойки и пятерки, потом выходило среднее – тройка. Кстати, за сочинение при поступлении мне поставили четыре, но не потому, что я плохо в стихах написал, там была одна или две грамматические ошибки.

– **Но Вы ведь недолго проучились на географическом факультете?**

– Да. На этом факультете я практически не учился. А всё потому, что осенью того же года в университете появился заочник журналист, потрясающий саксофонист, один из музыкантов нашего Эстрадно-симфонического оркестра радио

и телевидения – Анатолий Каргаполов, и организовал ансамбль «Оптимисть». Я тут же записался в этот коллектив с моим приятелем Володей Лямым и с одноклассниками. Петь, конечно, никто из нас не умел. У меня голос такой хриплый. Хоть и пытались меня учить музыке, ничего из этого не вышло. Я скорее был актером разговорного жанра в скетчах. Мне понравилось писать скетчи, и не только в качестве актера их представлять, но даже какие-то скетчи ставить самостоятельно. Тут произошла любопытная ситуация. Представьте, 1965-й год, всего несколько месяцев проходит со дня создания ансамбля «Оптимисть», и в Москве организуют фестиваль – Первый фестиваль студенческих эстрадных театров, или театра миниатюрных сцен «СТЭМ». Мы проходим конкурс и едем в Москву на этот фестиваль. И на этом фестивале обыгрываем такие театры, как театр Томского университета – потрясающий театр. Из азиатов мы оказались лучшими и попали в шестерку лучших студенческих театров страны. Хотя сегодня я критически размышляю о нашем уровне. Мы были очень провинциальные, и наш юмор дальше студенческих тусовок не распространялся. А там участвовали серьезные театры с политической сатирой. И всё же мы вернулись с победой.

– После этой поездки Вы решили стать режиссером?

– Не совсем. После той победы я приехал в Алма-Ату, и меня вызвал руководитель. Он сказал: «Какой геофак? Тебе надо идти на факультет журналистики. Ты же почти все скетчи, которые мы показывали, написал». И я подумал: «А почему бы и нет?» В то время мои стихи публиковали в «Ленинской смене» и «Дружных ребятах».

И вот я пошел к декану. А он мне говорит: «Головинский, тут какое дело, за тебя ректор Закарин хлопотал, партком просил, чтобы перевести тебя на факультет журналистики. Вот профком весь за тебя горой стоит. Но знаешь, я просто не потяну такую ответственность, я тебя не возьму без экзаменов». Я вышел обалдевший от него. Но потом всё устаканилось. Полгода я ходил в академическом отпуске. Самое смешное, что, будучи в этом отпуске, я еще и стипендию получал, потому что наш ансамбль гастролировал по Казахстану во время зимних и летних каникул. Вообще, такие привилегии были! Мы месяцами жили на Иссык-Куле. Потом я сдал экзамены за первый курс и поступил сразу на второй курс журналистики.

– Вы как-то упоминали свою дипломную работу. Кажется, она называлась «Мягкие тапочки»?

– Точно. Эту пьесу я написал в качестве диплома. Откровенно говоря, получилась довольно жесткая политическая пьеса. Она рассказывала о комиссионном магазине, где принимали мысли, которые человеку мешают спать. Мысли о том, а всё ли у нас хорошо? А взамен в этом магазине человеку давали другие мысли. Безразмерные, как мягкие тапочки, в которых не побежишь, не пнешь, не проскочишь – это удобно. Перемещаться можно спокойно, не доставляя никому хлопот. В финале мягкие тапочки захватывают всё в этом городе. То есть они делают людей совершенно никчемными. И тогда журналисты собирают пресс-конференцию с лидерами «Мягких тапочек», и те объясняют, как у них получилось так легко всё повернуть. В этот момент гаснет свет в зале, а когда его включают через секунду – пустая сцена, стоит стол, покрытый пылью, и на стене, где висела эмблема «Мягких тапочек» – пустое место. Зрители в недоумении, оглядываются и не могут понять, что произошло. Вроде здесь собрались взять интервью, а выяснилось, что это всё, так сказать, лишь в наших головах и умах. И один говорит: «А может быть, мы здесь собрались, потому что нам давно пора поговорить о том, что вообще с нами и со страной происходит?» Вот такое я придумал в 1969-м году. И создал свой театр, оставив ансамбль «Оптимисть». Да, а ведь вначале я написал стихотворение «Мягкие тапочки». Потом оно переродилось в пьесу. Была у нас такая

потрясающая преподавательница зарубежной литературы Мадзигон Тамара. Да вы ее, наверняка, знаете!

– **Замечательная поэтесса! Наш журнал часто публиковал ее произведения. Были и статьи о ней.**

– А какой она педагог! Мадзигон – это такая династия университетская. Элита культурная. Мне очень везло: в университете я учился у таких педагогов. А Марат Барманкулов?! Крестный отец казахстанского телевидения, один из выдающихся журналистов-теоретиков. Он был моим дипломным руководителем, деканом. Когда мою пьесу «Мягкие тапочки» показали членам госкомиссии, один из них предложил пьесу переделать, сделать ее более жизнерадостной. Я отказался, и тогда мне буквально поставили ультиматум – или переделка, или новый диплом, или справка о том, что курс прослушан без вручения диплома. Меня вызвал к себе Барманкулов и сказал: «Саша, да плюнь ты на это всё. Сядь за машинку, и что тебе в голову придет, чем ты собираешься заниматься, напиши. Не думай о грамматических ошибках, а потом даже можешь страницы склеить. Я знаю мнение коллег, отличная защита тебе гарантирована». Ну, я сел за машинку, написал: «Здравствуйте, я Александр Головинский. Мне вот столько-то лет, в будущем собираюсь заниматься телевизионными театрами. Сейчас я вам расскажу, что я думаю на эту тему». Всё, о чем я думал, все свои рассуждения о театре, о тематике этих театров, о том, как должно быть, я рассказал. Не помню, склеил работы или нет, но через несколько дней мне сказали, что я получил «отлично» за дипломную работу и меня забрали в армию офицером, на перевоспитание. Кстати, служил я в Алма-Ате на 70-м разьезде. С родным городом даже в армии не расставался.

– **А как Вы на телевидение попали?**

– Постарался мой однокурсник. Я только отслужил, он пришел ко мне и говорит: «Старик, есть “Казторгреклама”, и там нужен режиссер». Я отвечаю: «Ну какой я режиссер? Я университет закончил, и если что-то ставил, то только на сцене со своими ребятами». Строго говоря, в то время у меня никакой работы не было, и я пошел в «Казторгрекламу» работать режиссером телевизионной рекламы. Реклама тогда была любопытная. Каждое предприятие получало от своего министерства деньги на то, чтобы заказать рекламу. И продюсеры тогдашние занимались тем, что оббегали предприятия и уговаривали: «Давайте вы нам закажете рекламу». И была «Союзторгреклама», и я даже умудрился на одном из фестивалей рекламных фильмов получить диплом. Это первый мой диплом, который я получил как режиссер на Всесоюзном фестивале. Мы обыграли там и Россию, и Прибалтику. Диплом за три моих документальных фильма, – ну, как документальных – рекламных клипа. Но так как всё показывалось по Казахскому телевидению, то недолгое время двигалось мимо меня. Меня пригласили работать на телевидение уже режиссером, хотя я рвался туда журналистом.

– **Вы хотели работать по профессии.**

– Мне казалось, что я смогу стать хорошим журналистом. Но суть в том, что мне уже понравилось быть режиссером, режиссером документального кино. Ведь документальное кино – это авторская идея. Она попадает в руки к человеку, который всё собирает, потом он встречается с людьми, и происходит... Смотрите, вы приходите к человеку, который считает себя личностью, и этот человек будет говорить лишь то, что он хочет сказать и так, как он хочет. Даже если вы определите характер, тематику, он всё равно будет говорить так, как ему захочется. А на монтаже я могу сделать всё по-своему и оставить его таким, каким я хочу его видеть, а не таким, как он бы хотел себя представить. И вот когда я это сообразил, то понял, что неблагоприятная работа быть просто сценаристом документального кино. Мне понравилось быть режиссером. Но чтобы им быть, надо либо ехать ку-

да-нибудь учиться на режиссуру, либо много читать. Разными путями приходят в документальное кино.

– У Вас более сорока документальных фильмов. В них наш город. Мне очень понравилась кинолента «Без конечной остановки...».

– Да, это один из моих документальных фильмов о родном городе, о нашем трамвае. Трамвай появился в Казахстане в 1937-м, в самый разгар репрессий. В то время все значимые события старались приурочить к историческим датам, и 7 ноября 37-го трамвай выехал на улицы Алма-Аты. А в начале 2007-го руководство решило отметить 70-летие этого транспорта. Они восстановили списанный трамвай, установили в салоне столики, бар с прохладительными напитками, сделали из него гостевой вагон и обратились ко мне с просьбой снять фильм. Я согласился с удовольствием. По сюжету трамвай едет по своему маршруту и собирает по пути людей, которые имели отношение к трамвайному движению: водителей, кондукторов, бывших работников. Мы сняли фильм о трамвае внутри трамвая. Все проблемы с дорожным движением, когда машины преграждают нам путь, тоже в него вошли. В этом фильме ведущим стал мой добрый друг Лаки Кесоглу. В конце он даже спел по просьбе пассажиров. Вообще, это кино корпоративное, я снимал его вместе с немцами, канадцами и питерцами.

– Да. Фильм имел продолжение уже в виде поздравлений из других стран.

– Конечно. Его приурочили ко Дню рождения алматинского трамвая. И из Германии нам прислали поздравление от водителя берлинского трамвая, из Канады наша подруга прислала фильм, как живет трамвай в Торонто, из Санкт-Петербурга мой друг, поэт и композитор Виктор Федоров, написав для нас песню, прислал ее и поздравление от водителя санкт-петербургского трамвая. В общем, все откликнулись. Конечно же, фильмы лучше смотреть. На моем канале YouTube выложены эти картины. В первом фильме я рассказываю об истории нашего города, а в четвертом монологе, самом смешном, я говорю, как стал режиссером.

– Как Вы думаете, чего сегодня не хватает нашему документальному кино?

– Думаю, что сегодня надо снимать фильмы о наших людях. Почему бы не показать передовиков сельскохозяйственного производства, простых людей? Чем они живут, на каких машинах ездят, о чем мечтают. Это ребята, которые действительно могли бы попасть на экран и рассказать о том, какие они были и как они живут. И мы должны снимать кино об истории, о личностях, которые многое сделали для нашей страны. Я горжусь тем, что я снял кино об Абае, Мухтаре Ауэзове, о своем друге Калтае Мухамеджанове, о Нурпеисове, о Раевском Николае Алексеевиче, авторе «Портреты заговорили». И последний фильм, который я снял, посвящен Морису Симашко. Хотел снять картины о Чокане Валиханове в Санкт-Петербурге и о Пушкине в Казахстане. Но финансов на съемки я так и не нашел.

– Благодарю Вас за интервью. Желаю Вам новых интересных проектов, и пусть меценаты Вас обязательно найдут. А мы с удовольствием будем смотреть Ваши новые кинокартины.

*Интервью вела зав. отделом культуры журнала «Простор»
Наталья ГОРЯЧЕВА*